

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Северо-Осетинский государственный университет имени
Коста Левановича Хетагурова»**

З.И. Годизова, Д.В. Габисова

ОСНОВЫ ЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ГРАММАТИКЕ
(учебно-методическое пособие)

Владикавказ 2016

Предисловие

Связь лингвистики и логики обусловлена объективными связями языка и мышления. Вместе с тем в лингвистической традиции логические и грамматические понятия часто отождествляются, грамматические явления определяются на основе логических понятий, что является не совсем корректным. Основными целями данного пособия являются:

- дать представление о взаимосвязи языка и мышления, логики и грамматики, об основных логических и грамматических понятиях и их соотношении;
- дать представление о логическом направлении в языкознании, об его основных особенностях, этапах развития, современных концепциях в области логического направления в языкознании;
- выработать у студентов представление об основных логических понятиях, соответствующих грамматическим понятиям, научить студентов разграничивать те и другие, рассмотрев конкретные случаи их совпадения и несовпадения.

Тема №1. История развития логического направления в языкознании.

План

1. Основные черты логического направления в языкознании.
2. Развитие логических идей в античном мире.
3. Развитие логических идей в средневековье.
4. Развитие логических идей в XVII-XIX вв.
5. Критика логического направления.

Логическое направление в грамматике – совокупность течений и отдельных концепций, изучающих язык в его отношении к мышлению и знанию и ориентированных на те или иные школы в логике и философии.

Основные черты логического направления в языкознании

- 1) обсуждение проблем гносеологии (или теории познания);
- 2) тенденция к выявлению универсальных свойств языков в ущерб их национальным особенностям;
- 3) выработка единых принципов анализа языка, независимых от реальных языковых форм (например, общее для всех языков представление структуры предложения, системы частей речи и др.);
- 4) предпочтение синхронного анализа диахроническому, соответственно описательных грамматик историческим и сравнительно-историческим;
- 5) преимущественная разработка вопросов синтаксиса и семантики;
- 6) преобладание функционального подхода к описанию категорий языка;
- 7) определение грамматических категорий по их отношению к универсальным категориям логики: слова – к понятию, части речи – к выполняемой логической функции, предложения – к суждению, сложного предложения – к умозаключению;
- 8) допущение скрытых (имплицитных) компонентов предложения, экстраполируемых из его логической модели.

Развитие логических идей в античном мире

Связь языкознания с логикой берет начало в глубокой древности. Сам термин «логика», введенный стоиками (в отличие от них Аристотель использовал термин «аналитика»), обозначал словесное выражение мысли (logos). Предполагалось, что подобно тому, как имя выражает сущность обозначаемого им предмета, структура речи отражает структуру мысли. Античная языковедческая традиция строила теорию суждения на свойствах предложения, способного выражать истину. Термин «логос» обозначал и речь, и мысль, и суждение, и предложение. Имя относилось и к классу слов (существительным), и к их роли в суждении (субъекту); глагол означал и часть речи, и соответствующий ей член предложения (сказуемое).

Таким образом, логический, синтаксический и морфологический

аспекты воспринимались в их нерасчлененной целостности, в центре анализа находились предложения-суждения, с которыми связывались значения истинности и модальности. Преобладал функциональный подход к речи (в противоположность формальному).

Развитие логических идей в средневековье

Схоластическая наука V-XIV вв., продолжавшая греко-римскую традицию, не разорвала связи между логикой и грамматикой. Логизация грамматики усилилась в эпоху Абеляра (XI-XII вв.), когда было заново открыто наследие Аристотеля, стал доступен полный свод его логических сочинений. В это время отсутствовала специальная логическая символика, вследствие чего положения логики обосновывались материалом естественного языка (главным образом латыни). Единение логики и лингвистики способствовало формированию концепции философской (спекулятивной) грамматики. К числу понятий, получивших оригинальное развитие в логико-грамматических трактатах средневековья, принадлежат:

1) различие категорематических (полнозначных) и синкатегорематических (употребляющихся при полнозначных в качестве соозначающих элементов – предлоги, связки, глаголы аспектуального значения);

2) понятие субпозиции (букв. подстановка, замещение). Это отношение имен, рассматриваемых в контексте предложения-суждения, к объектам действительности. Есть разные виды субпозиции: а) общая субпозиция состоит в обозначении предмета посредством общего термина (например, в предложении *Человек бежит* подлежащее стоит в общей суппозиции), б) единичная субпозиция присуща подлежащему в высказывании *Этот человек бежит*, в) персональная субпозиция: *Сократ – человек* (слово *человек* стоит в персональной субпозиции);

3) значение предложения (диктум). Абеляр подчеркивал, что предложения обозначают не предметы, а состояния предметов. Диктум как объективная часть значения предложения соотносителен с модусом (операцией, производимой мыслящим субъектом). В XX в. Ш. Балли ввел в лингвистику теорию модуса и диктуема;

4) концепция модистов, основанием которой служило различие в речи 3 компонентов: подразумеваемой вещи, понятия и слова, которым соответствовали 3 категории модусов: модусы существования, модусы понятия и модусы обозначения.

В понимании предложения модисты опирались на идею движения, заимствованную из Физики Аристотеля. Предложение понималось как динамичный переход от начального пункта к конечному пункту. К частям речи, соотносительным с исходной позицией, причисляли существительные и местоимения в им. падеже. К частям речи, соотносительным с конечным пунктом, причисляли глаголы, прилагательные, причастия, наречия. Третья из выделенных групп объединяла части речи, выражающие отношения (предлоги, союзы и междометия).

Обозревая в целом логическое направление в средневековой грамматике, способствующее формированию концепции всеобщей, или универсальной грамматики, можно сказать, что в отношении формального анализа языка оно мало что дало. Однако грамматики этого направления достигли определенных результатов в области изучения семантических аспектов языка. С развитием логических исследований произошло незаметное, но важное изменение в анализе языкового материала: вместо того, чтобы обсуждать, что часть речи обозначает, логики стали обсуждать, как, каким образом часть речи что-либо обозначает.

Развитие логических идей в XVII-XIX вв.

Концепция всеобщей, универсальной грамматики получила дальнейшее развитие в период господства философской доктрины рационализма, которая исходила из убеждения в абсолютном соответствии речи натуральной логике мышления. В 1660 г. в монастыре Пор-Рояль учеными монахами А. Арно и К. Лансло была создана «Грамматика Пор-Рояля», ставшая образцом универсальных грамматик. Этим грамматикам придавалось прежде всего логико-философское значение. В разработке связанных с языком проблем участвовали философы [Дж. Локк, Д. Дидро, С. Дюмарсе, Г. Лейбниц и др.]. Категории языка определялись как соответствующие определенным операциям рассудка: его способности представлять, судить, умозаключать. Например, К.С. Аксаков делил грамматику на 3 части: часть 1 «Имя» – отражает осознание предметов бытия в покое; часть 2 «Глагол» – отражает осознание действия, бытия в движении; часть 3 – «Речь» (т.е. синтаксис) – отражает осознание жизни во всем ее многообразии.

Всеобщие грамматики не были целиком логическими, но за основу бралась универсальная модель, составленная из выделенных в латыни грамматических категорий. Влияние аристотелевской Логики сказывалось особенно в интерпретации категорий синтаксиса. Например, высказывание И.И. Давыдова: «Синтаксис исследует или логические отношения понятий и их выражение, или логические отношения мыслей и их выражение» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 273-275]. При определении частей речи указывалось не на их формальные признаки, а на их способность выполнять определенную синтаксическую функцию (например, существительные определялись как слова подлежащего; предложения анализировались по схеме суждения (S есть P).

Критика логического направления

Критика логического направления началась уже в XIX веке в рамках самого логического направления. Указывалось, в частности, на возможность несовпадения категорий логики с категориями грамматики, делающее неадекватным описание конкретных языков по логической модели. Ф.И. Буслаев, например, отказался от выделения связки в качестве обязательного компонента структуры предложения и ввел второстепенные члены предложения, не имеющие аналогов в составе суждения.

Последовательный пересмотр логических идей был осуществлен

представителями психологического направления во 2-й половине XIX в. Психологическое направление возникло как реакция на господствовавшее в течение длительного времени логического направления. Иногда доходило до крайности: отрицали единство языка и мышления в целом, либо наличие какого-либо существенного воздействия логического строя мышления на грамматический строй языка. Критика логических принципов анализа основывалась на следующих моментах:

1) далеко не все категории логики имеют языковое соответствие (в языках не отражены важные для логики родо-видовые отношения, различия между истинными и ложными высказываниями и т.д.);

2) предложение выражает не только суждение, но также вопрос и побуждение;

3) неясно, какая форма мышления выражается безличными и односоставными предложениями, поскольку они не имеют субъектно-предикатной структуры;

4) структура суждения и членение предложения очень часто не совпадают, так как в предложении выделяется не только подлежащее и сказуемое, но и второстепенные члены предложения, в то время как суждение состоит из 2-х членов: логического субъекта и предиката (если оставить в стороне спорный вопрос о самостоятельности связки); логический субъект нередко выражается не подлежащим, а другими членами предложения или группой членов предложения, а логический предикат может быть выражен не только сказуемым, но и другими членами предложения или группой членов предложения, в том числе подлежащим;

5) применение логических определений к категориям грамматики (типа «суждение, выраженное словами, есть предложение») не корректно;

6) анализ предложений на основе единой логической модели не позволяет описать реальные синтаксические структуры во всем их разнообразии;

7) логическая и грамматическая модальность представляют собой разные явления, поскольку в языках выделяются такие виды наклонений, которые не находят соответствий в выделяемых логикой типах логической модальности;

8) понятие выражается не только словом, но и словосочетанием; с другой стороны, некоторые типы слов (междометия, служебные слова), по-видимому, вообще не выражают понятий;

9) не существует однозначного соответствия между категориями предмета, действия, качества, количества и т.п. и частями речи, поскольку существительное может обозначать не только предмет, но и признак (*краснота, белизна*), но и процесс (*бег, вывоз*), количество (*пара, дюжина*), глагол – не только процесс, но и состояние (*спать, лежать*), качество (*краснеть, сохнуть*) и т.д.

Таким образом, логика не может дать надежного принципа классификации языковых форм. Критика логического направления в

грамматике привела к более четкому отграничению собственно языковых категорий от категорий логики, что способствовало развитию техники формального грамматического анализа и выдвинуло на 1-ый план морфологию. Интерес к целостным, законченным единицам речи (предложению, периоду) сменился вниманием к минимальным единицам языка (морфеме, семе). Логические принципы и методы анализа уступили место психологическим, формально-грамматическим, структурным.

Эти сами по себе правильные наблюдения представителей психологического направления послужили основанием для не менее ошибочной, чем у «логицистов», трактовки проблемы взаимоотношения логической структуры мышления и грамматики, а также мышления и языка в целом. Например, Г.Штейнталь говорил, что языковые и логические категории являются несовместимыми понятиями, они соотносятся так же, как понятия круга и красного [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 273-275]. А.А.Потебня утверждал, что языкознание, в частности, грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук [Лингвистический энциклопедический словарь 1990:]. Тем самым снималась сама проблема взаимоотношения структуры мышления и грамматики, мышления и языка в целом, с чем нельзя согласиться. Скорее можно сделать вывод об ошибочности попыток найти прямое и однозначное соответствие в мышлении всем языковым явлениям разных уровней, как это делали представители логического направления, стремясь установить такое соответствие между частями речи и категориями логики, между предложением и суждением, между членами предложения и компонентами суждения.

Пытаясь свести все грамматические явления к логическим, «логицисты» не учитывали относительной самостоятельности языка, которая, с точки зрения В.З. Панфилова, проявляется, в частности, в том, что чем ниже данный уровень языка в иерархическом ряду его уровней, тем более отдаленной и опосредованной оказывается связь соответствующих языковых уровней с мышлением и тем большей будет степень самостоятельности данной подсистемы языка [Панфилов 1963]. Существенные различия в этом отношении имеются не только между фонемным уровнем языка, единица которого является односторонней, и его остальными уровнями, чьи единицы являются двусторонними, но и между этими последними уровнями языка. Например, морфема, не обладая номинативной функцией, не способна выражать понятие, т.е. непосредственно соотноситься с какой-либо формой мышления, хотя имеет значение. Если согласиться с другой точкой зрения, что морфема выражает понятие, мы будем вынуждены признать, что слово выражает сразу несколько понятий. На самом деле слово в акте общения употребляется как цельная единица, его значение не суммируется из значений соответствующих морфем.

Одна из проблем, требующих разрешения в рамках теорий, признающих зависимость языка от мышления и, в особенности, от его

логической структуры, состоит в том, что мышление, носящее общечеловеческий характер, осуществляется при помощи языков различной типологии, отличающихся друг от друга не только по своему фонетическому, но и по своему грамматическому строю, по характеру самих языковых единиц, системой своих лексических значений. То есть как совместить с положением о единстве языка и мышления то обстоятельство, что мышление людей носит общечеловеческий характер, а языки представляют собой национальное явление.

По мнению В.З. Панфилова, эта проблема, имеющая кардинальное значение не только для общего языкознания, но и для теории познания, может быть решена лишь при дифференцированном подходе к различным языковым уровням в плане их соотношения с мышлением [Панфилов 1963]. Тезис о зависимости языка от мышления не предполагает прямолинейной и односторонней зависимости языковых явлений всех уровней от мышления и будет справедливым в том случае, если удастся показать, что структура нашей мысли обуславливает структуру языковых явлений того уровня, который непосредственно участвует в выполнении языком его коммуникативной и экспрессивной функций. На путях строго дифференцированного подхода к различным языковым уровням должна решаться и вся проблема соотношения экстралингвистических и лингвистических факторов в функционировании и развитии языка. Эта проблема остается одной из центральных проблем для языкознания, в зависимости от того или иного ее решения происходит размежевание ряда лингвистических направлений. Например, для структурализма следует считать наиболее характерным то, что предметом его исследований являются лишь те стороны языка, которые обусловлены лингвистическими факторами (внутрисистемными языковыми связями), т.е. язык понимается как некая имманентная сущность.

Тема №2. Современные концепции в области логического направления.

План:

1. Предпосылки возникновения современных концепций в области логического направления.
2. Теория референции.
3. Теория речевых актов.
4. Теория пресуппозиций.

Критика логических основ грамматики привела к более четкому отграничению собственно языковых категорий от категорий логики, что способствовало развитию техники формального грамматического анализа и выдвинуло на первый план морфологию. Интерес к целостным, законченным единицам речи (предложению, периоду) сменился вниманием к минимальным единицам языка (морфеме, семе). Логические принципы и методы анализа уступили место психологическим, формально-

грамматическим, структурным.

Развитие языкознания за последние десятилетия снова сделало чрезвычайно актуальным вопрос о связи лингвистики и логики.

В конце XIX-нач.XX вв. в ряде логико-философских школ (преимущественно в рамках неопозитивизма и эмпиризма) началось изучение логических аспектов естественных языков. Получает развитие так называемая аналитическая философия, или философия анализа[(Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Х. Райхенбах и др.]. Представители аналитической философии предприняли логический анализ языка науки с целью определения границ истинного знания. Исходя из принципа «недоверия языку» как способу выражения мысли и знания, представители этой школы прибегли для обнаружения подлинной логической структуры предложения к универсальной символической записи.

Наиболее широко использовалась представление предложения как пропозициональной функции, соответствующей предикату от некоторого числа аргументов, соответствующих именованным компонентам предложения. Логический язык включал ряд констант: связки, операторы, в том числе кванторы, указывающие области их действия. Применение искусственного языка логики обнаруживало неоднозначность многих предложений естественных языков.

В рамках философии анализа были разработаны ряд проблем семантики, основными понятиями которой стали сигнификат (интенционал, смысл), денотат (экстенционал, референт); изучаются проблемы синонимии, референции, явление дескрипций, типы контекстов, роль смысла субъектного выражения в формировании значения предложения и т.д.

Влияние логико-философских идей отразилось на развитии теоретического языкознания в 60-80-х гг., дополнив круг исследуемых проблем, методику анализа, систему используемых понятий и метаязык. В лингвистике определились направления, одно из которых тяготеет к собственно логическому анализу естественного языка, другое изучает логический аспект употребления языка, коммуникации.

Теория референции

«Референция – это отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 411]. «Референция – это соотнесение высказывания и его частей с действительностью – с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире» [Падучева 1985: 3]. «Референция – это способ «зацепить» высказывание за мир» [Арутюнова 1982: 18].

Референция определяется тремя основными факторами: синтаксическим, логико-семантическим и прагматическим. В зависимости от **синтаксической функции** различается референтное и нереферентное употребление именных выражений: в позиции актантов (подлежащего и

дополнения) реализуются разные виды референции, в позиции предиката имена употребляются нереферентно, указывая не на объект действительности, а на признаки соответствующих объектов (*Петр – писатель*). С **логико-семантическим фактором** связаны следующие типы референции: референция к одному члену того или иного класса объектов, к некоторой части класса, к любому представителю класса, к никакому члену класса объектов. С **прагматическим фактором** связано различие видов референции по их отношению к фонду знаний собеседников. Речь может идти о предмете, известном только говорящему (**интродуктивная** референция: «*Есть у меня приятель*»), об объекте, известном как говорящему, так и адресату (**идентифицирующая** референция: «*Этот ребенок никого не слушает*»), об объекте, не входящем в фонд знаний собеседников (**неопределенная** референция: «*Петр женился на какой-то студентке*»).

Теории референции начали складываться в логике. Их истоком явились наблюдения над значением и употреблением имен нарицательных и, в первую очередь, конкретной лексики. [Дж. Милль, Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап]. Имена нарицательные наделены определенным понятийным содержанием (сигнификатом) и в то же время способны к денотации (обозначению) предметов, т.е. обладают экстенсионалом.

В настоящее время существуют различные концепции референции: прагматическая, семантическая, номинативная, дейктическая. **Семантическая теория** исходит из того, что референция обеспечивается значением (например, имя Гомер скрывает за собой дескрипцию «автор «Илиады и Одиссеи»»). К этой теории приближается теория дескрипций Б. Рассела. **Номинативная теория** [например, каузальная теория С. Крипке] исходит из того, что референция обеспечивается отношением именования. С. Крипке, например, считал, что для того, чтобы вынести какое-то суждение о предмете, достаточно знать о нем, что он является денотатом некоторого сингулярного термина (имени). **Дейктическая теория** (например, концепция Х. Каплана) исходит из того, что сущность референции состоит в указании на предмет, к этому механизму могут быть сведены все другие способы соотношения слова и предмета действительности. Общее развитие теории референции определилось их постепенной **прагматизацией**. Эта концепция интерпретирует референцию как одно из проявлений интенции говорящего [Л. Линский, Дж. Серл, Е.В. Падучева]. Дж. Серл, например, представляет акт референции как отношение между намерением говорящего и узнаванием этого намерения собеседником (адресатом).

Теория речевых актов

Возникновение теории речевых актов связано с именем философа Оксфордской школы Дж. Остина [Остин 1986], который впервые привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение многих других действий, например, сообщение информации, высказывание просьбы, совета, вопроса,

приказания, предупреждения, обещания, выражение благодарности и т.д. Все это – речевые акты.

Фактором, положившим начало теории речевых актов, было обнаруженное Остином существование **перформативных** предложений. Перформативные предложения – это предложения, повествовательные по своей структуре, но обладающие тем замечательным свойством, что высказывание, в составе которого они употреблены, не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Например, высказывание «*Обещаю тебе прийти в 2 часа*» есть уже обещание, «*Советую Вам обратиться к врачу*» есть уже совет, «*Объявляю перерыв*», «*Поздравляю с Новым годом*», «*Прошу прощения*» – это тоже соответствующие действия. «Высказывание «*Я клянусь*» есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого мною акта...» [Бенвенист 1974]. С логической точки зрения, главным свойством перформативных предложений является то, что они не имеют истинностного значения. Например, высказывание «*Он шарлатан может*» быть истинным или ложным, но предложение «*Я утверждаю, что он шарлатан*» истинно в каждом своем произнесении.

Теория речевых актов сводится к следующему: во всяком высказывании (т.е. в речевом акте высказывания) различаются 3 аспекта, 3 различных акта, осуществляемых говорящим: а) акт собственно произнесения предложения (**локутивный акт**); б) **пропозициональный акт** (включающий акт референции, т.е. привлечение в зону внимания определенных объектов, и акт предикации, т.е. приписывание свойств этим объектам); в) **иллокутивный акт**, например, выражение утверждения, обещания, просьбы, благодарности, приказа, совета, вопроса, т.е. реализация коммуникативного намерения говорящего.

При анализе содержания предложения с точки зрения его употребления в речевом акте возникает понятие пропозиции. Действительно, исходный тезис теории речевых актов – разграничение пропозиционального содержания высказывания и его иллокутивной функции. Одно и то же пропозициональное содержание может соединяться с разными иллокутивными функциями, давая разные речевые акты. Например, *Купи себе велосипед! Ты купишь себе велосипед? Ты купишь себе велосипед.* Таким образом, пропозиция – это общее содержание утверждений, суждений, обещаний, пожеланий и желаний, вопросов и ответов, того, что может быть возможным или вероятным.

Теория пресуппозиций

Одним из первых понятий логической теории референции, проникших в лингвистику и утвердившихся в ней, было понятие презумпции (пресуппозиции) (от лат. *prae* – впереди, перед и *suppositio* – предположение). Это компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте [Падучева]. Например, высказывание

«*Филипп знает, что Нью-Йорк – столица США*» семантически аномально, поскольку в его смысл входит в качестве пресуппозиции ложное суждение «*Нью-Йорк – столица США*».

Понятие презумпции возникло в философской логике [Г. Фреге, П. Стросон], где оно обозначает семантический компонент предложения(суждения Р), который должен быть истинным, чтобы предложение (S) имело в данной ситуации истинностное значение, т.е. было истинным или ложным. Предложение «*Филипп знает, что столица США – Вашингтон*» является истинным или ложным в зависимости от географических познаний Филиппа, а первое не может быть ни истинным, ни ложным, поскольку оно бессмысленно.

Кроме пресуппозиции как условия осмысленности и наличия истинностного значения (семантическая пресуппозиция) имеется понятие прагматической пресуппозиции: предложение S имеет прагматическую пресуппозицию Р, если при любом нейтральном (т.е. не демагогическом, не ироническом) употреблении S в высказывании говорящий считает Р само собой разумеющимся или просто известным слушателю.

Семантическая пресуппозиция предложения S – это суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным; а прагматическая пресуппозиция – это суждение, которое слушающему должно быть известно, чтобы высказывание было нормативным.

Например, высказывание «*Даже первоклассники меня поняли*» содержит несколько пресуппозиций:

а) Первоклассники меня поняли; б) Кто-то другой меня понял; в) От первоклассников этого труднее всего было ожидать. Компоненты б) и в) – презумпции, порождаемые словом *даже*, а компонент а) соответствует значению предложения за вычетом частицы.

Теперь ты убедился, что даже Володе нравится наша кошка?

а) Теперь ты убедился, что даже Володе нравится наша кошка? б) Даже Володе нравится наша кошка; в) Другим людям нравится наша кошка; г) От Володи этого трудно было ожидать.

Мери огорчена, что Фред не осмелился перестать выполнять указания своего начальника:

а) У Фреда есть начальник (презумпция); б) Начальник дает Фреду указания (презумпция); в) Фред выполняет указания своего начальника (следствие); г) Фред не осмелился перестать выполнять указания своего начальника (презумпция).

Тема №3 Проблема соотношения предложения и суждения

План

1. Предложение и суждение.
2. Соотношение структуры суждения и грамматической структуры предложения.

И в русской, и в западноевропейской лингвистике предложение и его компоненты долгое время изучались как категории, совпадающие с логическим суждением и его частями.

Предложение в **широком** смысле – это «любое – от развернутого синтаксического построения (в письменном тексте от точки до точки) до отдельного слова или словоформы высказывание (фраза), являющееся сообщением о чем-либо и рассчитанное на слуховое (в произнесении) или зрительное (на письме) восприятие» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 395].

В узком, собственно грамматическом, смысле простое предложение – это такая единица сообщения, которая, будучи образована по специально предназначенному для этого *грамматическому образцу*, обладает значением *предикативности* (т.е. категорией, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным определенным или неопределенным временным планом действительности) и своей собственной *семантической структурой*, обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определенную *коммуникативную задачу*, выраженную интонацией и порядком слов [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 395].

Таким образом, основные характеристики простого предложения: синтаксическая структура (члены предложения как компоненты предикативной основы или ее распространители), семантическая структура, предикативность, порядок слов и интонация.

При определении предложения обычно указывается, что предложение выражает относительно законченную мысль. Предложение рассматривается как такая языковая единица, которая непосредственно включается в акты коммуникации и мышления. Поэтому в рамках теории, утверждающей зависимость языка от мышления, вопрос о сущности предложения и его структуры в их отношении к логическому строю мышления приобретает особенно большое значение. Логика со времен Аристотеля отличала суждение от средства его выражения – предложения.

Суждение – это 1) смысл предложения, который может быть истинным или ложным; то же, что и пропозиция; 2) употребление предложения, выражающего суждение в первом значении, в утвердительном высказывании, когда оно реально приобретает истинностное значение; то же, что высказывание в логике.

В традиционной логике была разработана подробная классификация суждений по различным основаниям. По **качеству** суждения делятся на утвердительные и отрицательные; по **количеству** – на единичные, касающиеся индивидуализированных объектов или множеств (*Нестор – отец русской истории*), общие, касающиеся класса (*Человек смертен*); по **модальности** – на суждения действительности, возможности, необходимости; по **форме** – на атрибутивные (*Сократ – грек*), суждения отношения (*Сократ старше Платона*), экзистенциальные (*Единорогов не*

существует). Традиционная логика изучала атрибутивные суждения, в которых различается 3 компонента: субъект, связка, предикат. Другие виды суждений могут и не укладываться в субъектно-предикатную схему.

Таким образом, можно убедиться, что предложение и суждение ни в коей мере не являются тождественными понятиями. Предложение характеризуется целым рядом перечисленных выше признаков, которые не актуальны для суждения. Не всякое предложение выражает суждение:

1) не выражают суждений повествовательные предложения, содержащие дейктические (указательные) элементы: *Он – студент первого курса*, так как слово *он* имеет в каждом новом употреблении этого предложения другой референт, оно способно выражать суждение только в том случае, если его переменные принимают конкретное значение;

2) не выражают суждений предложения, содержащие предикаты мнения с субъектом не первого лица (*Филипп считает, что Нью-Йорк – столица США*);

3) предложения в контексте модальных операторов (*Число планет Солнечной системы могло бы быть не равно 9*);

4) не выражают суждений побудительные и вопросительные предложения, так как они не могут быть оценены как истинные или ложные;

5) не выражают суждений односоставные предложения, так как в них нет необходимой структуры суждений (субъект – связка – предикат).

Соотношение структуры суждения и грамматической структуры предложения

Сложнее обстоит дело с вопросом о соотношении структуры суждения, вопроса и побуждения и грамматической структуры предложения. Структура суждения состоит традиционно из логического субъекта, логического предиката и обычно связки. Логический субъект и предикат часто совпадают с подлежащим (группой подлежащего) и сказуемым (группой сказуемого), но могут и не совпадать.

Предикат – не всякая информация о субъекте, а указание на признак предмета, его состояние и отношение к другим предметам (упор на семантику, а не на форму). Значение существования не является предикатом, а предложение типа *Пегас не существует* не выражает суждения. Не составляет предиката указание на имя предмета (*Этот мальчик – Коля*) и на его тождество самому себе (*Декарт и есть Картезиус*).

Хотя логический субъект и предикат суждения часто не совпадают с подлежащим и сказуемым двусоставного предложения, из этого не следует, что они не получают никакого отражения в грамматической структуре предложения. Структурные компоненты суждения как формы мышления должны получать свое формальное выражение в языке, в формальной структуре предложения, так как фиксирование специальными языковыми средствами противопоставления, которое существует в структуре суждения между субъектом как понятием о предмете мысли и логическим предикатом как тем новым, что сообщается о предмете мысли или запрашивается о нем,

является необходимым условием выполнения коммуникативного задания. Таким образом, должны существовать языковые средства выражения логических форм мысли.

Логический предикат суждения в тех случаях, когда он не выражается сказуемым, выделяется в предложении так называемым логическим ударением, т.е. одним из видов интонации. Однако интонация есть лишь одно из возможных формальных средств выражения членения суждения на субъект и предикат. В ряде языков для этого используются специальные морфемы (например, нивхском, японском, юкагирском и др.). Например, в нивхском языке в тех случаях, когда логический предикат суждения выражается не сказуемым, а каким-либо другим членом предложения, этот последний оформляется специальным предикативным суффиксом *-та-*, *-ра-*, *-да-*.

Например:

1) *Хэвгун вид-ла?* – *Хэвгун вид-ра*.

Хэвгун идет? – *Хэвгун идет*. – Предикат совпадает со сказуемым.

2) *Хэвгун-дла вид?* – *Хэвгун-да вид*.

Идет Хэвгун? – *Идет Хэвгун*. – Предикат совпадает с подлежащим.

3) *Хэвгун тыфтой-ла вид?* – *Хэвгун тыфтох-та вид*.

Хэвгун идет к дому? – *Хэвгун идет к дому*. – Предикат совпадает с обстоятельством места.

Таким образом, предикат – носитель новой информации в предложении.

Еще более отчетливо морфологическое выражение в структуре предложения получает структура суждения в японском языке. Здесь есть не только показатель логического предиката (суф. *-га-*), но и специальный показатель логического субъекта (суф. *-ва-*). В ряде языков для этих целей используются интонация, порядок слов (например, в русском языке). В русском языке среди различных видов интонации выделяется 3 типа логической интонации: интонация сообщения, вопроса и побуждения. Простую интонацию вопроса и ответа (т.е. интонацию сообщения) мы определяем на слух не по конечному движению тона всей фразы, а по движению тона в слове, выражающем логический предикат, независимо от его местоположения во фразе. Мелодика в слове, выражающем логический предикат вопроса, произносимого с простой интонацией, характеризуется резким восходящим тоном на ударном слоге по сравнению с тоном предыдущего ударного слога. Мелодика в слове, выражающем логический предикат ответа, характеризуется последовательно нисходящим тоном ударного слова.

1) *Он живет в Москве?*

Он живет в Москве.

2) *Он живет в Москве?*

Он живет в Москве.

3) *Он живет в Москве?*

Он живет в Москве.

4) *Он живет в Москве?*

Он в Москве живет?

В Москве он живет?

Основным средством выделения логического предиката суждения и вопроса в русском языке является интонация, а не порядок слов, последний используется лишь в целях эмфатического выделения логического предиката.

В индоевропейских языках для выражения логической структуры суждения используются артикли. Очевидно, что выражение значения определенности и неопределенности, выраженных соответственно определенными и неопределенными артиклями, в той или иной мере не может не быть коррелятивным противопоставлению субъекта суждения как понятия о предмете мысли, известном говорящему, и предиката суждения как понятия о признаке, присущем или не присущем предмету мысли и, следовательно, в данном познавательном акте выступающем как новое.

Тема № 4. Соотношение главных членов предложения и компонентов суждения.

План:

1. Традиционное учение о главных членах предложения.
2. Нетрадиционная концепция главных членов предложения

Традиционное учение о главных членах предложения.

Традиционное, идущее от логической грамматики, определение подлежащего и сказуемого, согласно которому подлежащее есть то, о чем говорится в предложении, сказуемое есть то, что говорится в предложении, есть по сути определение субъекта и предиката суждения, т.к. субъект есть понятие о предмете мысли, а предикат – признак предмета мысли.

Даже в настоящее время логицизм в определениях подлежащего и сказуемого не преодолен. Например, Арутюнова так определяет главные члены предложения: подлежащее – один из двух членов предложения, указывающий на объект, к которому относится сообщаемое; сказуемое – один из двух членов предложения, в котором выражается сообщаемое.

За последние 100 лет в языкознании, в основном в результате критики логического направления сторонниками психологического направления, было немало сделано для преодоления логицизма в определении таких членов предложения, как подлежащее и сказуемое и в подходе к синтаксическому анализу предложения в целом. Поэтому в последнее время при определении понятий подлежащего и сказуемого вводятся собственно грамматические признаки. Например, в Г-1954: «**Подлежащее** – это главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов

предложения, выражаемый обычно именем существительным, местоимением или другим склоняемым словом в форме именительного падежа и обозначающий предмет (в широком смысле этого слова), признак которого (действие, состояние, свойство, качество) определяется в сказуемом». «Сказуемое – это главный член двусоставного предложения, грамматически зависимый от подлежащего, обычно выражающийся личной формой глагола, именем существительным или причастием и обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим». Правда, нельзя не отметить, что эти определения в скрытом виде включают в себя и традиционные определения (подлежащее – предмет..., сказуемое – признак...).

Традиционное деление членов предложения на главные и второстепенные, отмечает В.А. Белошапкова, предполагает высокий уровень грамматической абстракции. Для того, чтобы выделить главные члены предложения так, как это делает синтаксическая традиция, нужно отвлечься от многих конкретных языковых фактов: во-первых, от коммуникативной устроенности предложения, связанной с речевой ситуацией. Со стороны коммуникативной устроенности различия между главными и второстепенными членами предложения несущественны, т.к. более важным в коммуникативном аспекте, т.е. актуально более значимым, может быть любой член предложения, значение которого может соответствовать коммуникативному заданию. Так, при ответе на вопрос *Когда приехал Иван?* В предложении *Иван приехал вчера* актуально более значимым будет второстепенный член *вчера*.

Во-вторых, необходимо отвлечься от всех фактов, связанных со смысловой устроенностью предложения. Выделение главных членов предложения в традиционных границах игнорирует тот факт, что не при любом лексическом заполнении позиции подлежащего или сказуемого или главного члена односоставного предложения может образовываться реальное нераспространенное предложение. Например, невозможно употребить в речи предложения типа *Он поступил* (в значении совершил поступок), *Он лишился...* *Он очутился...* *Квартира состоит...*

Формальный анализ, на котором основано деление членов предложения на главные и второстепенные, отвлекается от всех этих фактов, так как направлен не на предложение как речевое произведение с конкретным лексическим наполнением, а на предложение как отвлеченную схему, единицу языка. Традиционное деление членов предложения на главные и второстепенные отвлекается, в частности, от того, что с точки зрения смысловой устроенности некоторые второстепенные члены так же необходимы, как и главные. Так, для смысла предложения одинакова роль всех падежных форм со значением субъекта-носителя предикативного признака (как им. п., так и косвенные падежи):. *Сад цветет – Саду цвести.* *Старушка дремлет – Старушке дремлет.* *Ребенок весел – Ребенку весело.* *Больной температурит – У больного высокая температура.*

Традиционное понятие о главных членах предложения целиком лежит в сфере формальной устроенности. В этой и только в этой стороне устройства предложения проявляется отличие им. п. подлежащего от косвенных падежей дополнений с субъектным значением. Оно состоит в том, что подлежащее (форма им.п.) находится не в односторонней зависимости от сказуемого, как формы всех косвенных падежей (в том числе и с субъектным значением), а во взаимозависимости с ним: не только зависит от сказуемого, которое диктует ему форму им.п., но и определяет форму сказуемого применительно к уподобительным категориям числа, рода и лица. Подлежащее участвует в формировании предикативного центра.

Большим достижением русской синтаксической науки прошлого, отмечает В.А. Белошапкова, составляет учение о сказуемом. Сказуемое обладает 2-мя признаками: 1) носитель предикативности, ее выразитель; 2) член предложения, связанный с подлежащим, согласующийся с ним.

Нетрадиционная концепция главных членов предложения

Наряду с традиционной точкой зрения, оценивающей главные члены предложения прежде всего с позиций формальной грамматики, существует точка зрения, не разграничивающая главные члены предложения и компоненты суждения. Эта точка зрения представлена, например, у Ю.С. Степанова [Степанов 2012].

«Подлежащее, или субъект, мы определяем как 1-ую по порядку именную группу (в частном случае – одно имя) в предложении с нейтральным порядком слов». Там, где этот порядок будет неоднозначным, неоднозначным будут и заключение о субъекте и предикате. Так обстоит дело со схемами типа *На дворе мороз. Мороз* является здесь абстракцией безличного предиката *морозит*, «именем состояния». Таким образом, открываются 2 возможности трактовки. Если мы признаем нейтральным порядок слов *Мороз на дворе*, то слово мороз должно быть признано субъектом, а на дворе – предикатом. Такая трактовка находит опору в предложениях категории 5 (Место) – *Мать на дворе*.

Если же признать нейтральным порядок слов *На дворе мороз*, то должны будем признать *на дворе* субъектом, а *мороз* – предикатом. Субъект – категория, которая естественно мыслится в терминах пространства.

Это определение является последовательно семиологическим и исходит из предложения как основной данности языка. Наличие у подлежащего формы им.п. не является решающим, а лишь второстепенным в той мере, в какой сама морфология рассматривается лишь как техника семантики и синтаксиса.

Гости – в саду (подлежащее – *гости*, предикат категории «место» – *в саду*).

В саду – гости (подлежащее – *в саду*, сказуемое категории «событие» – *гости*).

Нас двое в купе (подлежащее – *нас*, предикат категории «количество» – *двое*).

К такому пониманию подлежащего шла не только семиологическая грамматика, но и вся грамматическая теория в русистике последних лет. Так, Золотова Г.А. в «Очерке функционального синтаксиса русского языка» отмечала, что морфологическое описание именной группы «у+род.п.» с семантико-синтаксической точки зрения неудовлетворительно потому, что скрывает разные синтаксические сущности: с одной стороны, *У деда сад*; *У нее сын* – категорию посессивности, с другой стороны, *У лукоморья дуб зеленый*; *У ворот скамья* – категорию места; и что синтаксические, а не морфологические формы слова должны расцениваться как первичные единицы синтаксиса [Золотова 2009: 125]. Ю.С. Степанов делает вывод, что подлежащее в им.п. и сказуемое в форме спрягаемого глагола является лишь частным случаем подлежащего и сказуемого, представленных в простом номинативном предложении; особенности этого частного случая нельзя обобщать и распространять на предложение вообще, в частности, на все типы предложений современного русского языка. После этого делается вполне понятным определение, данное выше. Ю.С. Степанов не только отождествляет подлежащее с субъектом, но и не разграничивает такие понятия, как логический и грамматический субъект. Логический субъект это понятие о предмете мысли; грамматический субъект – производитель действия. Эта точка зрения является крайней. Однако даже в трудах нелогической направленности встречаются отступления от грамматических критериев при выделении главных членов предложения. Так, например, авторы Гр-54, отступая от приведенных в ней же определений подлежащего и сказуемого, считают возможным выделять подлежащее и сказуемое в ряде типов предложений только по признаку порядка слов. Однако роль порядка слов как способа различения грамматических подлежащего и сказуемого предложения или как средства выделения подлежащего выступает лишь в строго определенных типах предложений: в предложениях тождества, в предложениях с инфинитивом или предикативным наречием, или формой существительного в им.п. и т.п. Ср. *Мечта моего сына - стать художником. Стать художником - его заветная мечта* [Гр-1954: 93].

Таким образом, используя порядок слов, а не морфологические признаки как критерий выделения подлежащего и сказуемого, авторы Гр-54 по существу вкладывают иное содержание в понятие подлежащего и сказуемого. Одно и то же слово определяется как подлежащее или сказуемое в зависимости от того, выражает ли оно логический субъект или логический предикат.

Таким образом, можно сделать вывод, что подлежащее и сказуемое, с одной стороны, и субъект и предикат, с другой стороны, – это понятия нетождественные, хотя и пересекающиеся, часто совпадающие. Очевидно, можно сказать, что субъект и предикат – это частные случаи подлежащего и сказуемого, поскольку субъект – это понятие о предмете мысли, а предикат – это компонент суждения, представленный только признаковым значением (в то время как сказуемое допускает любой вид информации – разные языки

допускают образования сказуемого разного информативного содержания, ср. неполнозначные глаголы «*находиться*» (где), «*происходить*» (где, когда), обеспечивающие позицию сказуемого обстоятельством места и времени.

Нужно иметь в виду, что подлежащее – это многоаспектная единица, его функции можно отнести к разным аспектам предложения: объективно-семантическому (функции агенса, субъекта восприятия, носителя признака, состояния); коммуникативному (данное, тема), логическому (субъект суждения), психологическому (исходное представление). Перечисленные функции могут получать совместное или раздельное выражение.

В позицию подлежащего могут продвигаться дополнения и обстоятельства (пассив), однако такие подлежащие утрачивают некоторые из его функций (прежде всего функцию агенса). Для языков, допускающих разрыв формы и функции, подлежащее идентифицируется по формальным признакам и противопоставляется теме, определяемой по коммуникативной функции. Некоторые лингвисты допускают возможность выражения подлежащего не только им.п., но и другими падежами имени (например, *Мальчика здесь не было* – при отрицании); выделение подлежащего только на основании функционального критерия, не поддержанного грамматической формой, часто приводит к отказу от использования системы членов предложения в синтаксическом анализе [Золотова Г.А., Гиро-Вебер М.].

Тема №5. Соотношение синтаксического и логико-грамматического членения предложения

План:

1. Понятие актуального членения предложения.
2. Разные концепции актуального членения предложения.

Выделяют 2 типа членения предложения: 1) традиционное синтаксическое членение предложения на члены предложения; 2) логико-грамматическое членение предложения, которое иначе называется актуальным членением.

Актуальное членение предложения (АЧП) – членение предложения в контексте на исходную часть сообщения (тему) и на то, что утверждается о ней – новое (рему).

Любой член предложения (или члены) в соответствии с контекстом или ситуацией может выступать как тема или рема: *Книга* (тема) *на столе* (рема) (ответ на вопрос: «*Где книга?*»). *На столе* (тема) *книга* (рема) (в ответе на вопрос: «*Что на столе?*»).

Компоненты актуального членения распознаются по интонации (характер ударения, паузация), по позиции (тема обычно в начале фразы, рема – в конце); по выделительно-ограничительным частицам (*именно, только*); по контексту. Указывать на смысловой центр сообщения может неопределенный артикль, агентивное дополнение (например, творительный субъекта в пассиве). Перемещение логического ударения в одном и том же предложении

дает разное актуальное членение. Положение ремы в начале (или в середине) предложения может быть обусловлено необходимостью ее позиционной контактности с соотносимым членом предшествующего предложения, желанием говорящего скорее высказать главное. В этом случае рема распознается по контексту – путем вычитания из состава предложения избыточной самоочевидной темы, обычно опускаемой или отодвигаемой в конец (*Вопрос хочу вам задать/ Как он вам показался? – Старик он уже*).

Расчленение выражаемой в предложении мысли на предмет мысли-речи и предикат мысли-речи и двуплановый характер предложения отмечали еще представители логического [Ф.И. Буслаев] и психологического [А.А. Фортунатов, А.А. Шахматов, Г. Габеленц, Г. Пауль] направлений в языкознании. Так, представители психологического направления выделяют в качестве компонентов мысли не логический субъект и предикат, а психологическое подлежащее и психологическое сказуемое. По определению Пауля, «психологическое подлежащее – это та совокупность представлений, которая с самого начала имеется в сознании говорящего (думающего) и к которой затем присоединяется другая совокупность – психологическое сказуемое. Таким образом, указанные компоненты отличаются друг от друга не по их роли в структуре мысли как познавательном акте, а лишь по времени их появления в сознании говорящего. Неудовлетворительность такого определения структурных компонентов мысли очевидна, и сам Пауль в дальнейшем отказался от него, рассматривая затем психологическое подлежащее как важнейший элемент, цель сообщения, как тот компонент, который вносит нечто новое.

Основоположником актуального членения предложения считают А. Вейля, идеи которого были развиты В. Матезиусом (представитель Пражской школы структуральной лингвистики), который и предложил данный термин [Матезиус 1967]. Согласно концепции В. Матезиуса, тема (основа) высказывания выражает то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, а рема (ядро) – то, что говорящий сообщает об основе высказывания. Тема, по мнению Матезиуса, не сообщает новой информации, но является главным образом необходимым элементом связи предложения с контекстом. Положение Матезиуса об обязательной известности темы уязвимо, ибо тема и рема имеют лишь лексическое словесное выражение, а информация создается их динамическим сочетанием, т.е. всей пропозицией. Тема часто определяется содержанием предшествующего предложения.

Актуальное членение предложения исследуется с **разных теоретических позиций:**

1) Концепция о **семантической** природе актуального членения [В. Матезиус, Я. Фирбас, Ф. Данеш] отдает приоритет в определении темы и ремы фактору известности/неизвестности, что иногда приводит к неоднозначным толкованиям актуального членения конкретного предложения в контексте.

2) Концепция о **синтаксической** природе актуального членения предложения [К.Г. Крушельницкая]. Эта концепция допускает отождествление актуального членения предложения с синтаксическими категориями из-за выражения темы и ремы с помощью грамматических средств языка. Она не считает возможным отождествлять члены актуального членения предложения с логическим или психологическим субъектом и предикатом, т.к. первые, по ее мнению, являются категориями «отвлеченно объективными», а вторые – «сугубо субъективными», в то время как данное и новое заключает в себе единство двух моментов: объективного, поскольку они определяются конкретной реальной обстановкой и степенью осведомленности слушающего о сообщаемом; субъективного, поскольку они зависят от того, как воспринимаются эти объективные факторы говорящим. По ее мнению, утверждение, что в АЧП на данное и новое отражается субъектно-предикатная структура суждения, не может быть принято также и потому, что субъект и предикат суждения являются чисто логическими категориями, а выделение данного и нового в составе предложения носит грамматический характер и, следовательно, они являются языковыми категориями. Очевидно, такой аргумент имел бы логическую силу, если бы логические формы мышления существовали вне языковых форм их выражения.

3) Концепция о **соответствии актуального членения предложения структуре логических суждений** [Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, С.И. Бернштейн, В.З. Панфилов]. Согласно этой концепции, актуальное членение предложения отражает субъектно-предикатную структуру выражаемой мысли (тема – субъект, рема – предикат). Особое внимание уделяется этими лингвистами вопросу: поскольку АЧП не есть чисто смысловое или логическое, а носит формально-грамматический характер, в каком отношении оно находится к синтаксическому членению предложения, а именно – следует ли его рассматривать как явление того же порядка, что и синтаксическое членение, или нет. В. Матезиус, указывая на их несовпадение, был склонен противопоставлять эти два вида членения предложения. Остановливаясь в этой связи на английском и чешском языках, В. Матезиус отмечает также, что в разных языках степень расхождения актуального и синтаксического членения предложения оказывается различной и что английский язык гораздо последовательнее стремится привести грамматическое членение предложения в согласие с актуальным, чем чешский. Как правило, в морфологизированных (синтетических) языках расхождение между обоими видами членения предложения будет иметь место в гораздо большей степени, чем в изолирующих языках (или аналитических), в которых слабо выражена морфологизация членов предложения.

Согласно другой точке зрения, особенно подробно развитой К.Г. Крушельницкой, АЧП не выходит за рамки его синтаксического членения и представляет собой явление синтаксического плана. Значения «данного» и

«нового» накладываются на грамматические значения членов предложения, выраженных соответствующими грамматическими формами. «Итак, коммуникативная нагрузка членов предложения является неотъемлемым элементом их значения и выражается при помощи особых средств языка. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть ее как особую синтаксическую категорию» [Крушельницкая 1956]. По ее мнению, коммуникативная нагрузка членов предложения должна быть отнесена к синтаксической категории предикативности. Однако, как справедливо замечает Панфилов, уже один тот факт, что коммуникативная нагрузка, проявляющаяся в АЧП на данное и новое, может быть привязана к любому члену предложения, не изменяя качества последнего на уровне синтаксического членения предложения, говорит о том, что АЧП выходит за рамки его синтаксического членения. Очевидно, мы здесь имеем дело не с явлением того же уровня, а с более высоким уровнем предложения, в связи с чем все явления, связанные с его АЧП, не могут получить объяснения при помощи традиционного анализа по членам предложения. Это касается не только анализа содержательной стороны явления АЧП, но и его собственно-грамматического аспекта, поскольку синтаксический анализ по членам предложения не может объяснить и назначения какой-то части формальных средств языка (специальные морфемы в некоторых языках, интонации, порядок слов и т.п.), т.е. не может считаться исчерпывающим для понимания структуры предложения в целом.

Таким образом, предложение наряду с синтаксическим уровнем имеет еще особый уровень, обусловленный его актуальным членением. Поскольку на этом уровне особыми грамматическими средствами выражается субъектно-предикатная структура соответствующей мысли, можно назвать его, в отличие от синтаксического уровня, логико-грамматическим уровнем, а логический субъект и предикат выражаемой мысли логико-грамматическим субъектом и предикатом. Если на синтаксическом уровне мы имеем дело с членами предложения, в том числе с подлежащим и сказуемым, то на логико-грамматическом уровне мы имеем дело с логико-грамматическим субъектом и предикатом. При этом отношения членов актуального членения могут не только не соответствовать типу синтаксических отношений членов предложения, но и вступать с ними в явное противоречие. Например, в двучленных фразах *Он приехал быстро. Он приехал поездом* слова *быстро* и *поездом*, выступая на уровне синтаксического членения предложения как обстоятельства образа действия, находятся в зависимой синтаксической связи от глагола-сказуемого *приехал*. На уровне же актуального членения те же слова, выражая логико-грамматический предикат, находятся в предикативной связи с остальными словами предложения (*он, приехал*), которые, выражая логический субъект той же мысли, на уровне синтаксического членения предложения в свою очередь противопоставляются друг другу как подлежащее и сказуемое. Подобно тому, как слово, будучи по отношению к морфеме единицей высшего уровня, не представляет собой простой суммы

морфем, из которых оно состоит, и член актуального членения не является простой суммой синтаксических членов предложения.

Панфилов считает, что поскольку АЧП является явлением более высокого уровня, чем синтаксическое, то и само предложение в целом является принадлежностью логико-грамматического уровня языка и не может получить определения на синтаксическом уровне. Закономерно поэтому, что большинство определений предложения, данных языковедами, в той или иной форме указывают в качестве необходимого признака на то, что предложение выражает относительно законченную мысль и характеризуется отнесенностью к действительности выражаемого им содержания (предикативностью), т.е. на такой признак, который не может получить объяснения на синтаксическом уровне.

Некоторые лингвисты, например, Б. Трнка (Пражский лингвистический кружок), наряду с фонологическим, морфологическим, синтаксическим уровнями языка, выделяет суперсинтаксический, или стилистический уровень. В отличие от синтаксического уровня, единицами которого является предложение с его основными компонентами в виде отношения подлежащее/сказуемое, единицей суперсинтаксического уровня является высказывание, в основе которого лежит отношение тема/ядро.

Из-за смешения синтаксического и логико-грамматического уровней языка целый ряд явлений того и другого уровня до настоящего времени не получил удовлетворительного определения. По этой же причине не преодолен логицизм в подходе к некоторым явлениям синтаксического уровня. Это особо наглядно проявляется в разрешении таких вопросов, как вопрос о сущности категорий предикативности, модальности и наклонения.

Тема №6. Предикативность и сказуемость. Модальность грамматическая и логическая.

План:

1. Предикативность как ключевой признак предложения.
2. Предикативность и сказуемость.
3. Семантическая категория модальности в грамматике. Объективная и субъективная модальность.
4. Семантическая категория модальности в логике.

Предикативность как ключевой признак предложения

Предикативность – синтаксическая категория, определяющая функциональную специфику основной единицы синтаксиса – предложения; ключевой признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения; категория, противопоставляющая предложение всем другим единицам, относящимся к компетенции синтаксиса.

В ряду синтаксических конструкций, имеющих общий объект

обозначения (объединенных содержательным инвариантом), например, **летающая птица, полет птицы, птица летит**, последний способ обозначения этого объекта обладает особым функциональным качеством – предикативностью [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 392-393].

Выражая актуализированную отнесенность к действительности, предикативность отличает предложение и от такой единицы языка как слово: предложение «*Дождь!*» с особой интонацией, в отличие от лексической единицы *дождь*, характеризуется тем, что в его основе лежит отвлеченный образец, способный относить информацию в план настоящего, прошедшего или будущего (*Дождь – Был дождь – Будет дождь*).

В иерархии признаков, конституирующих предложение как специфическую единицу языка, предикативность является признаком наивысшей ступени абстракции. Сообщаемое предстает в предложении в том или временном плане, а также в качестве реального или ирреального. Главное средство формирования предикативности – категория наклонения, с помощью которой сообщаемое предстает как реально осуществляющееся во времени (настоящем, прошедшем или будущем), т.е. характеризуется временной определенностью, или же мыслится в плане ирреальности – как возможное, желаемое, должное или требуемое, т.е. характеризуется временной неопределенностью. Дифференциация этих признаков сообщаемого (временная определенность/неопределенность) опирается на противопоставление форм изъявительного наклонения формам ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного).

Предикативность и сказуемость

Следует различать понятия **предикативность** и **сказуемость**. Это явления двух разных уровней: сказуемость – явление синтаксического уровня, предикативность – явление логико-грамматического уровня. **Сказуемость** – свойство сказуемого как члена предложения и, следовательно, наличествует только в тех предложениях, где имеется этот член предложения. **Предикативность** же характеризует отнесенность содержания предложения как законченной мысли к действительности и не привязана ни к сказуемому, ни к какому-либо другому члену предложения. Между сказуемостью и предикативностью существуют такого же типа отношения, как между подлежащим и логическим субъектом или между сказуемым и логическим предикатом. Сказуемость и предикативность совпадают друг с другом, не становясь, однако, одним и тем же явлением, только в тех случаях, когда подлежащее выражает логический субъект, а сказуемое – логический предикат, т.е. когда нет расхождения между синтаксическим и актуальным (логико-грамматическим) членением предложения. Например, *Птицы поют*. – предикативность совпадает со сказуемостью. В предложениях типа *Дождь. Звезды. Ветер*. предикативность не совпадает со сказуемостью.

Если предикативность есть то, что делает любое предложение

предложением и без чего оно не выражает законченной мысли, сказуемость характеризует лишь те виды предложений, где сказуемое выделяется как синтаксический член, но не свойственна предложениям, где нет сказуемого. Предикативность, в отличие от сказуемости, – не синтаксическая, а логико-грамматическая категория; сказуемость есть лишь один из частных случаев предикативности, когда эта последняя привязана к сказуемому, а не выражается каким-либо иным способом.

Таким образом, следует различать предикативность, сказуемость, рему высказывания, а также логический предикат. В таких предложениях как *Петр весел. Дети поют.* сказуемое, предикат и рема высказывания совмещены. Несовпадение сказуемого и ремы: *Поят дети.* (ответ на вопрос *Кто поет?*) – сказуемое *поют* соответствует теме сообщения, а подлежащее *дети* – реме.

Логический предикат может быть представлен в предложении только признаковым значением, тогда как сказуемое допускает любой вид информации (ср. неполнозначные глаголы типа *находиться* (где?), *происходить* (где? когда?), они образуют сказуемые, но не предикаты.

Семантическая категория модальности в грамматике.

Объективная и субъективная модальность

Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 303]. Модальность является языковой универсалией. Этот термин используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры. Вопрос о границах этой категории разными учеными решается по-разному. К сфере модальности относят противопоставление высказываний по характеру их коммуникативной целеустановки (утверждение – вопрос – побуждение); противопоставление по признаку «утверждение – отрицание»; градации значений в диапазоне «реальность–ирреальность» (реальность – гипотетичность – ирреальность), разную степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемого; разные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами («хочет», «может», «должен», «нужно») и др.

Категорию модальности большинство исследователей дифференцируют. Обычно модальность делится на объективную и субъективную. **Объективная модальность** – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществленности) и ирреальности (неосуществленности). Главным средством оформления модальности в этой функции является категория глагольного наклонения. На синтаксическом уровне объективная модальность представлена противопоставлением форм синтаксического

изъявительного наклонения формам синтаксических ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного). Категория изъявительного наклонения (индикатива) включает в себе объективно-модальные значения реальности, т.е. временной определенности: соотношением форм индикатива (*«Люди счастливы»* – *«Люди будут счастливы»* – *«Люди были счастливы»*) содержание сообщения отнесено в один из трех временных планов – настоящего, прошедшего или будущего. Соотношением форм ирреальных наклонений, характеризующихся временной неопределенностью (*«Люди были бы счастливы»* – *«Пусть бы люди были счастливы»* – *«Пусть люди будут счастливы»*), при помощи специальных модификаторов (глагольных форм и частиц) то же сообщение отнесено в план желаемого, требуемого или необходимого. Объективная модальность органически связана с категорией времени и дифференцирована по признаку временной определенности-неопределенности.

Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания. Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной модальности; значения, составляющие содержание категории субъективной модальности, неоднородны, требуют упорядочения. Многие из этих значений не имеют прямого отношения к грамматике. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции. Субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого и реализуется: 1) специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями; эти средства обычно занимают в составе высказывания синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц; 2) введением специальных модальных частиц, например, для выражения неуверенности (*«вроде»*), предположения (*«разве что»*), недоверности (*«якобы»*), удивления (*«ну и»*), опасения (*«чего доброго»*) и др.; 3) при помощи междометий (*«ах!»*, *«ой-ой-ой!»*, *«увы»* и др.); 4) специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и др. эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому; 5) при помощи порядка слов, например, вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного, ироничного отношения (*«Станет он тебя слушать!»*, *«Хорош друг!»*); 6) специальными конструкциями, например, построениями типа *«Нет чтобы подождать!»* (для выражения сожаления по поводу чего-то неосуществившегося), *«Она возьми и скажи!»* (для выражения неподготовленности, внезапности действия) и др.

В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из свойств человеческой психики: способность противопоставлять «я» и «не-я» в рамках высказывания. В наиболее законченном виде эта концепция нашла отражение в работах Ш. Балли [Балли 1955], который считал, что в любом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модуса). Ш. Балли определяет модальность как активную мыслительную операцию, производимую мыслящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме.

Семантическая категория модальности в логике

Категория модальности активно изучается и в логике. В классической аристотелевско-кантовской логике еще не расчлененная, не поляризованная, модальность относилась к характеристике высказываний-суждений и была одной из четырех их основных характеристик: количество, качество, отношение, модальность. По модальности выделяется *3 вида суждений*: суждения возможности, или проблематические, суждения действительности, или ассерторические, суждения необходимости, или аподиктические. Согласно другой трактовке, под модальностью понимается не характер объективных связей, а степень достоверности, с точки зрения говорящего, той мысли, которая выражается в предложении, т.е. модальность характеризует не то, что отражается, а то, как отражается в предложении объективная действительность [Горский 1954, Тройнов 1955]. С этой точки зрения, выделяют суждения достоверные и вероятные, или – достоверные, относительно достоверные, вероятные и проблематические.

С точки зрения Ю.С.Степанова, модальность сопровождает предикат, но не может образовывать предиката сама по себе (немыслимы фразы типа *Он может, Он кажется*). В семантическом описании предиката модальность выносится за пределы пропозиции, в «модальную рамку». Например: *Он гонит муху – Он делает так, чтобы муха улетела+(Он хочет этого)*. [Степанов 2012]. В плане семантики модальность есть нечто, что можно описать словами «необходимо», «возможно», «вероятно», «желательно» и т.д. Очевидно, что языковые формы, соответствующие этой семантике, должны быть сложны и разнообразны. Усилия лингвистов и логиков в постижении категории модальности шли в общем в одном направлении – к тому, чтобы выделить в ней 2 центра, или полюса, – то, что «необходимо», «возможно», «вероятно» и т.д. в силу объективного устройства мира (объективная модальность), с другой стороны, то, что «необходимо», «возможно», «вероятно», «желательно» и т.д., по мнению человека (субъективная модальность). Ю.С.Степанов считает, что аристотелевско-кантовская классификация модальностей суждения оказывается основанной на различных основаниях – логических, гносеологических, онтологических. В ней нельзя в конечном счете и в общем виде отличить суждение действительности от суждения необходимости, ибо одно и то же событие может произойти случайно или необходимо, и вопрос этот выходит за рамки

формальной логики. В ней нельзя также различить объективную возможность и субъективный акт принятия чего-нибудь в качестве возможного. Так, приводимый обычно в разных сочинениях по логике или по логике и грамматике пример якобы суждения возможности *На Марсе возможна жизнь* имеет по крайней мере 3 разные интерпретации: 1) «В данный момент на Марсе нет жизни, но в силу особенностей этой планеты жизнь там возможна»; 2) «В данный момент на Марсе нет жизни, но она там, может быть, будет в будущем»; 3) «Можно допустить, хотя мы не знаем этого точно, что на Марсе есть жизнь». Суждение (1) сообщает об объективной модальности возможности, суждение (3) – о субъективной модальности возможности, суждение (2) представляет собой сложное модальное построение, не имеющее даже особого названия.

Тема №7. Грамматическая категория залога и категории субъекта, объекта действия и действия.

В **определении** категории залога среди ученых нет единого мнения. Многие лингвисты определяют залог следующим образом: «Формы залога выражают различные отношения глагольного действия к его субъекту» [Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, Р.О. Якобсон, Гр.-1970]; «Формы залога выражают различные отношения глагольного действия к его субъекту и объекту» [А.А. Потебня, А.А. Шахматов, РГ-1980, А.Н. Тихонов и Н.М. Шанский]. Это так называемые **семантические определения**. Согласно этим определениям значение категории залога формируется на основе таких логических в широком смысле этого слова категорий, как категории действия, субъекта и объекта действия. Ни одно из приведенных определений нельзя считать достаточным, т.к., учитывая лишь характер отношений действия к субъекту и объекту действия, невозможно отграничить отдельные виды залогов глагола. Например, действительный и страдательный залогов (основные залогов в русском языке) выражают одни и те же отношения между субъектом и объектом действия, или отношение действия к субъекту и объекту, что признается и авторами приведенных определений. Действительный и страдательный обороты представляют собой параллельные синтаксические конструкции, по-разному отражающие в языке, в зависимости от целей, стоящих перед говорящим, одни и те же отношения действительности.

Более логичными представляются **синтаксические определения** залога: «Формы залога выражают различные отношения глагола к подлежащему» [А.В. Исаченко]; «Категория залога представляет собой систему грамматических форм глагола, показывающих направленность или ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим» [Л.Л. Буланин]; «Немаркированная форма залога указывает на исходное синтаксическое употребление глагола, формы производных залогов указывают на изменение этого исходного синтаксического употребления» [Е.В. Падучева].

Однако следует заметить, что удовлетворительного определения залога в настоящее время нет, в том числе таковым не может считаться и классическое определение залога, данное Б. Гавранком: «Грамматическую категорию залога мы видим там, где при тождественном смысловом содержании... меняется отношение глагольного действия к субъекту и вообще ко всей конструкции предложения» [Navránek 1928:14]. Л.Л. Буланин отмечает: «Наше определение, похожее на ряд других, также страдает неопределенностью: как отличить направленность действия от ненаправленности? Ср. (1) *Шли недолго, в полдень остановились в странном лесу: везде стояли макеты пушек, повозок. Вроде и замаскированы, а на самом деле просматриваются* (Колосов) (2) *По привычке корреспондента я вынул записную книжку. – Простите, как пишется ваша фамилия?* (Бек) (3) – *Неужели?* – удивился Юрий, хотя он ниоткуда не мог знать, что такой вечер вообще предполагался (Соболев) [Буланин 1986: 78].

Ясно, что на основании таких определений ответить на подобный вопрос нельзя. Очевидно, определения залога рассчитаны на такие случаи, когда различия актива и пассива вполне ясны. Для анализа трудных случаев необходимо использовать информацию о закономерностях употребления залоговых форм и структуре залоговых конструкций [Буланин 1986:78].

В залоговые формы каждого языка обычно входит морфологически исходная форма активного (действительного) залога, когда субъект действия, например, в русском языке, выступает в им.п. и занимает позицию подлежащего, а объект действия выступает в вин.п. и занимает позицию дополнения. Выделяются также производные формы залога: **пассивный (страдательный, пассив)**, **средний** залог, указывающий, что действие исходит из субъекта и замыкается в нем; **возвратный** залог (**рефлексив**), указывающий, что действие направлено на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом, и объектом этого действия; **взаимный** залог (**реципрок**), обозначающий действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу; **совместный** залог (**кооператив**), обозначающий совместное действие двух или нескольких субъектов; **совместно-взаимный** залог, обозначающий либо совместное, либо взаимное действие двух или нескольких субъектов; **побудительный** залог (**каузатив**), указывающий, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, т.е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия и др. Центральными формами залога принято считать актив и пассив.

Далее Л.Л. Буланин отмечает еще один важный момент, что определения залога ориентированы на предикативные конструкции как бесспорный центр залогового противопоставления; поэтому в них говорится о подлежащем (ориентация на подлежащее – традиционная черта определений залога). Очень сложны для залоговой интерпретации безличные формы – активная и пассивная, составляющие периферию залогового противопоставления. Именно эти трудности подсказывают возможный (и

надежный) выход из положения: все, что не относится к пассиву, относится к активу [Буланин 1986: 8].

При характеристике залога необходимо различать следующие понятия: субъекта действия (реальный исполнитель, носитель действия), логического субъекта (понятие о предмете мысли), подлежащего (один из организаторов, наряду со сказуемым, грамматических центров предложения), грамматического объекта действия (предмет, на который направлено действие).

Именно многообразие типов соотношения подлежащего и дополнения с субъектом и объектом действия, каждый из которых приурочен к определенной глагольной форме, дает основание для выделения различных залогов. Между логическими в широком смысле этого слова категориями субъекта (носителя действия) и объекта действия, с одной стороны, и грамматическими категориями подлежащего и дополнения, с другой стороны, не существует однозначного соответствия и в зависимости от залога глагола они находятся в самых разнообразных отношениях. Между действительными и страдательными оборотами есть не только **структурно-синтаксические**, но и **семантико-стилистические отличия**.

В действительном обороте в центре внимания находится субъект, производитель действия. В страдательных оборотах, из которых наиболее распространены двучленные, на 1-й план выдвигается действие и его объект, а субъект не называется. Таким образом, страдательные обороты как бы дают возможность обозначить действие в отвлечении от субъекта. Хотя по контексту часто несложно бывает определить, кто же является производителем действия, однако неупоминание субъекта придает действию оттенок самопроизвольности. Например: *Но покуда все оканчивалось одним обдумыванием, изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом все отодвигалось в сторону, бралась наместо того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, жарким и даже с пирожным.. Что же делалось потом до самого ужина – право, уже и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось* (Гоголь) [Буланин 1986: 22].

Страдательные конструкции с возвратными формами, отмечает Л.Л. Буланин, очень распространены в деловой речи, где часто бывает необходимо сделать акцент на самом действии, кем же это действие совершается, существенного значения не имеет. Например, из руководства по плаванию: *Форма дневника спортсмена почти такая же, как и дневника тренера. На 1-ой странице записываются фамилии тренера и спортсмена; 2-5 страницы заполняются так же, как и в дневнике тренера...* [там же: 22].

Поскольку в страдательных оборотах с возвратными формами в центре внимания оказываются не деятель, а само действие, они обычно употребляются для обозначения действий обобщенных, во всяком случае, не совпадающих с моментом речи. Для передачи значения настоящего актуального используются действительные обороты, а не страдательные. Так,

глядя на почтальона, который разносит письма, мы скажем: *Почтальон разносит письма*, а не *Письма разносятся почтальоном*.

Таким образом, действительные и страдательные обороты отражают одни и те же отношения внеязыковой действительности – отношение действия к субъекту и объекту – и являются синтаксическими синонимами. Однако по семантике эти обороты никогда не совпадают. Их семантическое различие может быть показано с позиций теории актуального членения предложения.

Теория АЧП исходит из того, что члены предложения имеют разную коммуникативную нагрузку, т.е. смысловую нагрузку. Для русского языка характерна такая последовательность членов предложения, что сначала выражается данное, а потом новое. Залоговые обороты в этом плане могут различаться исходным пунктом высказывания. В действительном обороте *Почтальон / разносит письма* в качестве данного выступает субъект действия, в качестве нового – действие и его объект. В страдательном обороте в качестве данного выступает объект действия, в качестве нового – действие и субъект (если он имеется): *Письма / разносятся почтальоном*. Аналогично выражается данное в оборотах: *Собака / укусила мальчика. Мальчик / был укушен собакой*.

Таким образом, различие действительных и страдательных оборотов в плане смыслового членения предложения заключается в том, что в активе в качестве данного выступает субъект действия, в пассиве объект. Однако действительная конструкция может употребляться и в том случае, если объект действия является данным. При этом прямое дополнение, выражающее объект, должно предшествовать подлежащему и сказуемому: *Мальчика / укусила собака. Его / уволили со службы*. В соответствующих страдательных конструкциях *Мальчик / был укушен собакой. Он / был уволен со службы* объект также является данным, причем последовательность расположения объекта, действия и субъекта в обеих конструкциях одинакова: *Мальчика / укусила собака. Мальчик / был укушен собакой*.

Хотя в грамматической категории залога отражаются объективные связи между субъектом, действием и объектом, это не исключает различий между категориями залога в отдельных языках. Эти отношения могут быть выражены не только грамматическим способом, а именно особыми глагольными формами, но и описательно, т.е. не в самих языковых формах. Если, например, в нивхском языке существует особая форма побудительного залога, то в русском языке те же отношения выражаются описательно, путем сочетания отдельных слов, а не особой глагольной формой: *Иф нах вигуд* (нивх.) – *Он заставил меня пойти*. Тот факт, что один и тот же тип субъектно-объектных отношений может быть по-разному отражен в одном языке (актив и пассив в русском языке) или в разных языках, по-видимому, не может быть объяснен чисто языковыми причинами.

Г. Паулем была высказана мысль, что одна из залоговых структур, а именно страдательная, обусловлена членением мысли на психологическое

подлежащее и психологическое сказуемое. «Использование страдательного залога, – писал он, – позволяет превратить в грамматическое подлежащее такое психологическое подлежащее, которое при конструкции с действительным залогом приняла бы грамматическую форму дополнения, – именно это и является главной причиной употребления страдательной конструкции» [Пауль 1960: 334].

В теории эргативной конструкции предложения Г. Шухардта важное место занимало предположение о том, что в пассивной конструкции предложения имя в основном падеже (по Шухардту чистая основа имени), обозначая объект действия, вместе с тем выражает логический субъект и предшествует логическому предикату, в то время как в активном по своему характеру предложении имя в основном падеже одновременно выражает реальный субъект, т.е. субъект действия, и логический субъект и также предшествует логическому предикату, а объект действия обозначается именем в винительном падеже [Шухардт 1950: 103-104]. Еще более определенно высказывается по этому поводу К.Г. Крушельницкая, разделяя мнение Л.Л. Буланина.

Таким образом, употребление страдательного залога определяется прежде всего коммуникативным заданием высказывания. Он уместен, а иногда и необходим в тех случаях, когда *patiens* (объект) является данным. Таким образом устраняется несоответствие между формой и содержанием. Являясь по смыслу высказывания данным, *patiens* и по форме становится подлежащим, поскольку именно подлежащее выступает в большинстве случаев как данное.

Несомненно, считает В.З. Панфилов, что в самых разных языках существует тенденция установить соответствие между членением мысли, коммуникативной нагрузкой ее отдельных компонентов и грамматической формой их выражения. В частности, есть основание считать, что подлежащее как член предложения возникает в языках как специфическая форма выражения субъекта суждения, вопроса и побуждения. Поэтому не лишено оснований и то предположение, что одним из факторов, вызвавших появление страдательной конструкции во многих языках, было стремление установить соответствие между грамматической формой и коммуникативной нагрузкой в тех случаях, когда объект действия является предметом мысли, ее исходным пунктом, а понятие о нем выступало как субъект этой мысли.

Таким образом, есть основания считать, что синтаксическая структура такой залоговой конструкции предложения, как страдательная, генетически определяется логической структурой суждения: поскольку объект действия вместе с тем выступает как предмет мысли, а подлежащее есть такая языковая категория, которая вырабатывается в языке как средство выражения логического субъекта, неизбежно возникает тенденция привести в соответствие форму имени, обозначающего такой объект действия, с его коммуникативной нагрузкой. Из этого, однако, не следует, что в пассивной конструкции предложения того или иного языка на его современном этапе

развития подлежащее, обозначающее объект действия, всегда выражает логический субъект. Раз возникшее расхождение между подлежащим и логическим субъектом может распространяться и на страдательную конструкцию предложения, в результате чего, например, в русском языке подлежащее, обозначающее объект действия в страдательной конструкции, может выражать не только логический субъект, но и логический предикат (Ср. *Америка // была открыта Колумбом* и *Колумбом* (логический субъект) // *была открыта не Индия, а Америка* (логический предикат)).

Литература

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. – М., 1860.
2. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие/ сост. Л.Н.Чурилина. – 7-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2013.
3. Алексеев М.Н., Колшанский Г.В. О соотношении логических и грамматических категорий// Вопросы языкознания, 1955. – №5. – С. 3-19.
4. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М., 2009.
5. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
6. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. Логика и лингвистика. (Проблемы референции) // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. – Вып.13. – С. 5–40.
7. Арутюнова Н.Д. Логическое направление // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
8. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, пер. с франц. – М., 1955.
11. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Его же. Общая лингвистика. – М., 1974.
12. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976.
13. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. – Л., 1986.
14. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
15. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке//Труды Ин-та русского языка. – М.-Л., 1950. – Вып. 2.
16. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972.
17. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [пер. с нем.] – М., 1958.
18. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. – СПб, 1852.
19. Грамматика русского языка. – Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
20. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука,

1970. [Гр.-70].
21. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 3-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2009.
22. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд.6-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2010.
23. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: В 2 ч. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
24. История лингвистических учений. Древний мир. – Л., 1980.
25. История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л., 1985.
26. Карнап Р. Значение и необходимость [пер. с нем.] – М., 1959.
27. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
28. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – Изд. 2-е перераб. и доп. – М.: Альянс, 2012.
29. Колшанский Г.В. Коммуникативная грамматика и интерпретация категорий субъекта и предиката // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1979. – №4. – С. 318-322.
30. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
31. Крушельницкая К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. – 1956. – №5.
32. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
33. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. – М., 1967.
34. Мельничук А.С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
35. Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика. – М., 1982. – Вып. 13.
36. Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – Вып. 18.
37. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М., 1986.
38. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. – М., 1974.
39. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. – М., 1985.
40. Панфилов В. З. Грамматика и логика. – М.-Л., 1963.
41. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения// Вопросы языкознания, 1977. – №4. – С.37-48.
42. Пауль Г. Принципы истории языка. - М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
43. Попов П.С. Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 5-35.

44. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. – М., 1974.
45. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.4.
46. Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – Уфа, 1961.
47. Рассел Б. История западной философии [пер. с англ.] – М., 1959.
48. Рассел Б. Человеческое познание [пер. с англ.]. – М., 1957.
49. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005 [РГ-80].
50. Современные языковые процессы. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003.
51. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – Издание второе, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989.
52. Степанов Ю.С. Современные связи лингвистики и логики // Вопросы языкознания. . – N 4. – 1973.
53. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – Изд. 5-е. – М., 2012.
54. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка. – М., 1985.
55. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990.
56. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л., 1991.
57. Фреге Г. Смысл и денотат, пер. с нем. // Семиотика и информатика, 1977. – Вып. 8.
58. Хомский Н. Язык и мышление. – М., 1972.
59. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений. Учебное пособие. – М.: Флинта, 2008.
60. Шухардт. Об активном и пассивном характере переходного глагола // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950. – С.103-104.
61. Якоб Л.Г. Начертание всеобщей грамматики. – СПб, 1812.
62. Havranek V. Genera verbi v slovanských jazycích, dl. 1-2. – Praha, 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	2
Тема №1. История развития логического направления в языкознании.....	3-8
Тема №2. Современные концепции в области логического направления...	8-12
Тема №3. Проблема соотношения предложения и суждения.....	12-16
Тема №4. Соотношение главных членов предложения и компонентов суждения.....	16-20
Тема №5. Соотношение синтаксического и логико-грамматического членения предложения.....	20-24
Тема №6. Предикативность и сказуемость. Модальность грамматическая и логическая.....	24-29
Тема №7. Грамматическая категория залога и категории субъекта, объекта действия.....	29-34
Литература.....	34-36